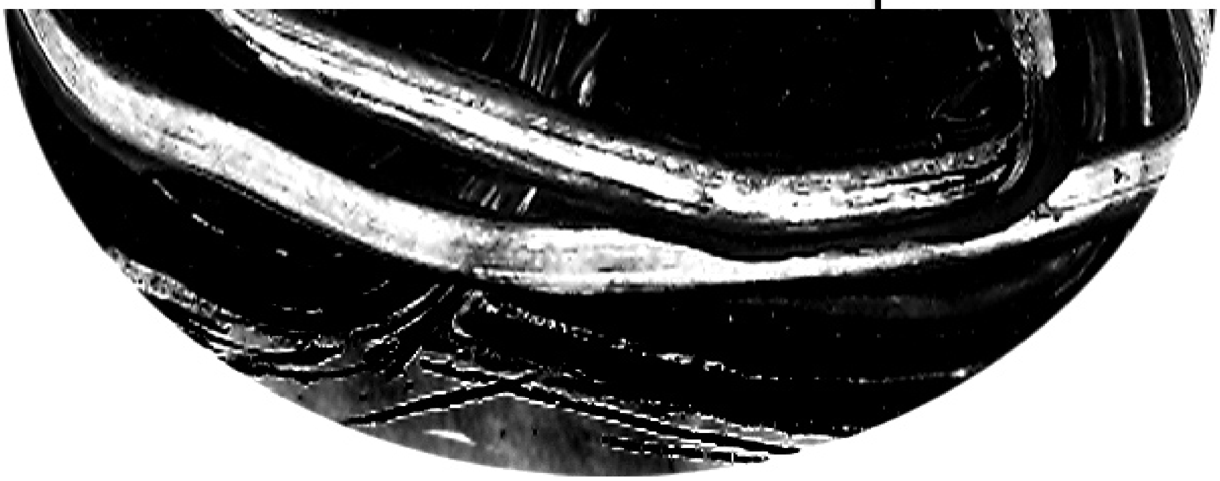
ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ

another hemisphere

АЛЬМАНАХ
ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО АВАНГАРДА

№ 23 / 2014

ЗАУМЬ DADA АБСУРД БУК-АРТ СМЕШТЕХ КОМБИНАТОРИКА
ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ SOUND POETRY
ТЕОРИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
АВ
АН
ГА
РДА
От футуризма к неофутуризму.
Эксперимент - Поиск - Ожившее Слово

**Выходит при поддержке Международной Академии Зауми
и литературной группы «Другое полушарие / СССР!»**

Периодичность: 2–3 выпуска в год

Contact:
drugpolushar@yandex.ru

WEB:
http://dr-polusharie.blogspot.ru/

Blog:
http://artronicpoetry.blogspot.com/

ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ /ANOTHER HEMISPHERE. – 2014. - № 23. – 31 стр.

НОВЫМ АВТОРАМ:

с 2012 года редакция рассматривает тексты только по рекомендации членов редакционной коллегии и постоянных авторов. Исключения, конечно, случаются. В силу загруженности мы не имеем возможности отвечать на все письма. Если в течение месяца Вы не получили от нас ответа, значит, Ваши тексты нам не подошли. Это не означает, что не удовлетворили нас литературным качеством, просто они оказались не в формате журнала.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Этот Выпуск полностью посвящен памяти видного деятеля русского литературного и художественного авангарда

Ры НИКОНОВОЙ
(1942–2014)

Над номером работали:
Сергей Бирюков, Михаил Евзлин, Татьяна Михайловская, Евгений В. Харитоновъ

Михаил ЕВЗЛИН

ПАМЯТИ АННЫ РЫ ТАРШИС-НИКОНОВОЙ
(1942–2014)

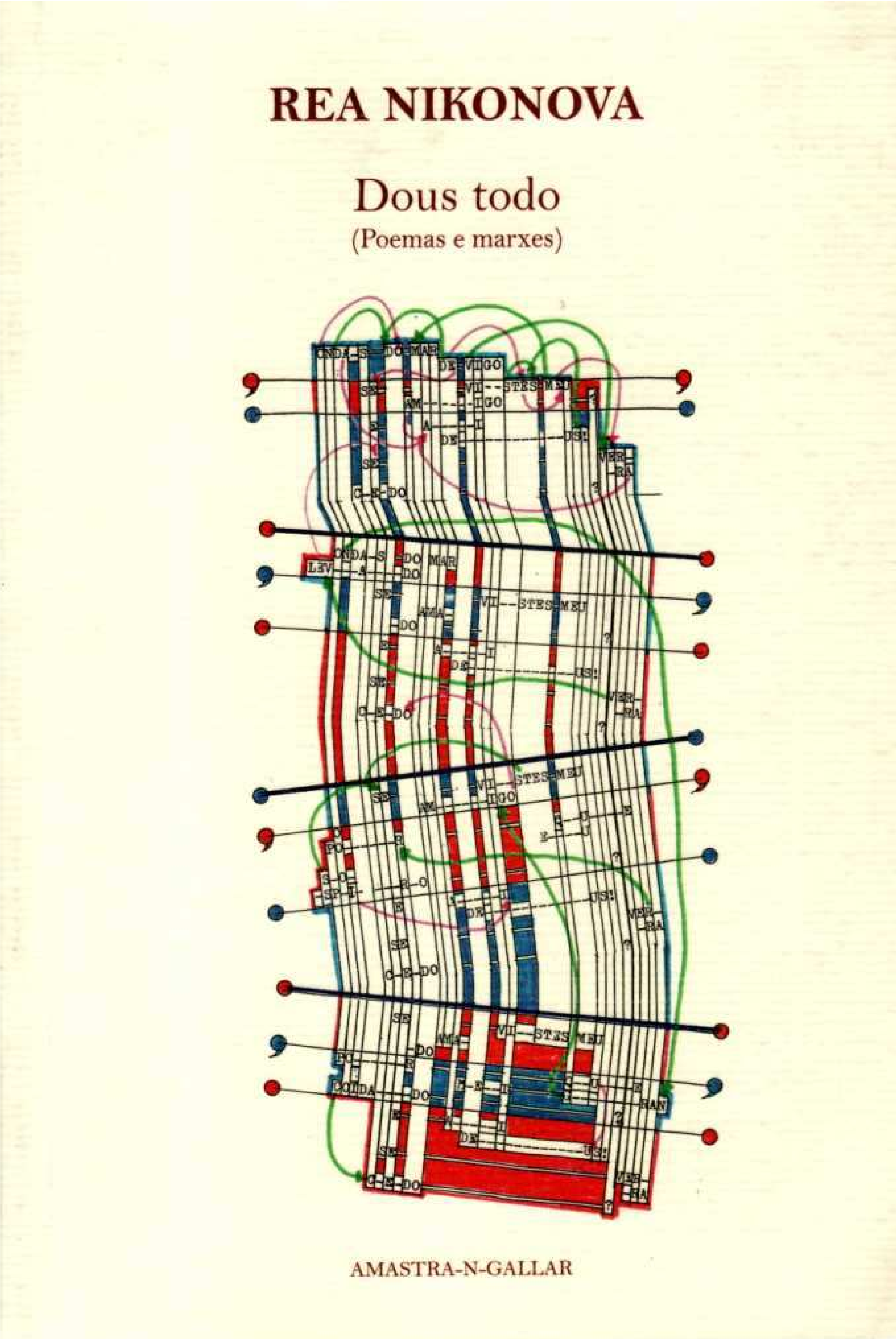
Десятого марта 2014 года умерла в Киле Анна Таршис, известная среди поэтов и исследователей русского авангарда главным образом под литературным именем Ры Никоновой. *Ры* происходит от *рычания*, а Никонова – от патриарха-реформатора *Никона*. Во всяком случае, так объяснял происхождение этого имени Сегрей Сигей, и совсем не исключено, что это он был его изобретателем, как и многих других странных имен, которые могли бы составить своеобразную заумную поэму.

Символические имена, которые берут себе поэты, далеко не всегда соответствуют действительности: Анна не рычала, в литературных спорах не участвовала, хотя высказывала в редких торетических публикациях и публичных выступлениях идеи *радикальные*, которые, впрочем, казались скорее странными, чем радикальными. В этом высказывании *по случаю* вполне проявляет себя эта странная и причудливая радикальность, которая отмечала Ры Никонову: «Поэзия вполне может существовать при отсутствии потребителей (читателей), так же как солнце светит вне зависимости от того, есть ли рядом какая-нибудь земля, нуждающаяся в согревании ... Когда я все-таки адресуюсь к читателю, я подразумеваю под ним и комаров, и бактерий, и любое живое и неживое (лягушек, пчел, улиток) и для многих таких категорий у меня есть циклы стихов. ... Создавая, я адресуюсь к Литературе, она – моя собеседница. Но эта драма – только медиум. Стихотворение – это как бы на-местник Бога на земле, и погружаясь в него, автор именно с Богом и беседует в счастливую минуту вдохновения» (Do lado dos ollos: Arredor da poesia, entervistas con 79 Poetas do Mundo. Ed. do Cumio 2000).

Говорила ли она это всерьез, судить трудно, хотя с точки зрения авангардной «поэтики» всякая бессмыслица имеет смысл, отрицательный, разумеется, но всё же смысл. Продолжая это рассуждение, можно было бы сказать: смерть бессмысленна, и поэтому она имеет смысл. Если читать с этой экзистенциальной стороны собрание текстов *Песни принца, владеющего ключами*, которые без колебаний можно отнести к безусловным шедеврам русской авангардной прозы, все они воспринимаются как единое искание *ключа*, который мог бы отпереть самую последнюю и самую закрытую бессмыслицу – бессмыслицу смерти. Быть может, оканчивая свою подвижническую жизнь, посвященную служению обожествленной Литературе, Ры Никонова нашла *ключ*, следуя на этом пути за вечным странником Одиссеем, спустившимся в поисках *этого же самого* ключа в царство мертвых. Цирцея приветствует Одиссея и его людей, возвратившегося из страны теней:

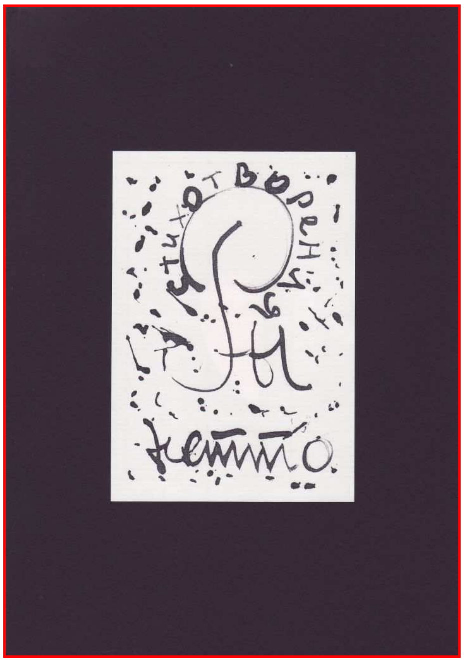
Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды унавшие смерть, всем доступную только однажды...

Также Анна Таршис стала мифом по имени *Ры Никонова*. Педанты скажут: одним из мифов. Значения это не имеет – не в этом суть мифа. В мифе естественное существо освобождается от своей природной или другой, оболочки, как, например, имени, полученным при рождении, и обретает свою идеальную, вечную сущность, которая находится по ту сторону смысла и бессмыслия, смерти и жизни.

REA NIKONOVA
Dous todo
(Poemas e marxes)
AMASTRA-N-GALLAR

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ИЗБРАННЫМ СТИХОТВОРЕНИЯМ РЫ НИКОНОВОЙ

(Стихотворения нетто. Ediciones del Hebreo Errante. Madrid 2013)

В эту маленькую антологию входят самые традиционные – в том смысле, что они разворачиваются в «линейном» пространстве, – стихотворные опыты Ры Никоновой.

Собственно, на этой «линейности» оканчивается традиционность Ры Никоновой: в каком бы пространстве не разворачивались ее стихотворения – двухмерном или трехмерном – они всегда эксперименты, поставленные самым неожиданным образом. Строго говоря, всякая истинная поэзия – экспериментальна, но у Никоновой эта экспериментальность становится «материей-кормилицей», которая вечно колеблется, как в космогонии Платона, то в одну, то в другую сторону, пока ее не коснется организующее действие поэта-демиурга. С этой стороны поэтическое экспериментирование Ры Никоновой может показаться чистым деланием, не имеющим никакой другой цели как самое себя, что как будто подтверждается собственными ее заявлениями: «я мечтаю о растворении литературного материала в плоскости страницы таким образом, чтобы площадь стихотворения стала его единственным содержанием». В действительности все происходит наоборот: растворяется не материал, а страница, т. е. непроницаемая плоскость, которая принимает в себя идею, смысл. Но путь к этому смыслу всегда происходит экспериментально: слово внедряется в плоскость, колеблет ее, и она начинает выделять из себя смыслы-образы, которые в начале даже не предполагались.

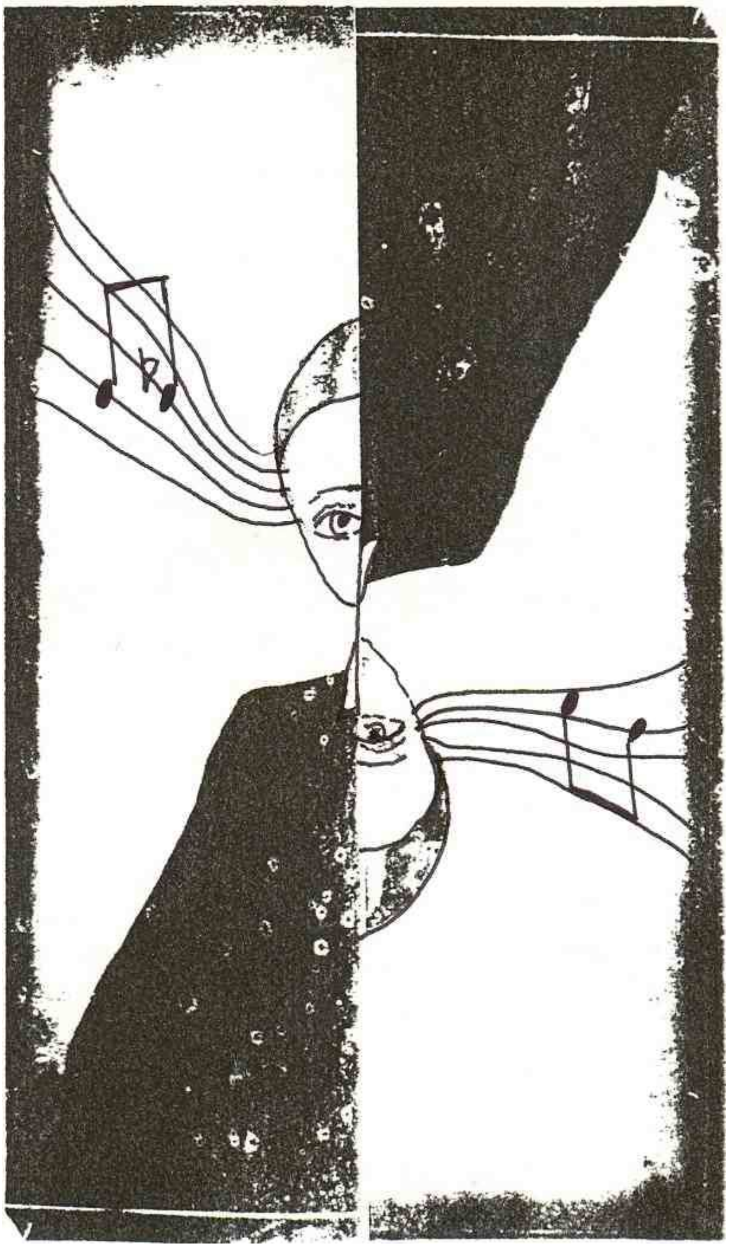
Вот один только пример, и он достаточен, чтобы проиллюстрировать это парадоксальное движение *от плоскости к телу*, определяющее поэтические опыты Ры Никоновой.

В лес не хожу
там серый волк с указом
Не езжу к морю —
боюсь акулы с глазом
В степь не суюсь —
там саранча всё съела
Осталось только
собственное тело —
в нем и сижу

С семиотической точки зрения здесь явно обозначена оппозиция внешнего плоского пространства (степь) и внутреннего свернутого (тело). Лес и море в мифопоэтической системе представляют промежуточное пространство или пред-пространство, и поэтому оно стоит вне определений «внешнего» и «внутреннего». Они могут относиться только к «степи» и «телу». Пред-пространство леса и моря есть опасное: в одном – волк, а в другом – акула.

Внешнее пространство степи – пустое: *там саранча всё съела*. Тело, таким образом, противостоит наполненному опасными содержаниями пред-пространству леса-моря и пустому внешнему пространству степи. Единственной реальной (и возможной) формой существования становится *тело*, т.е . внутреннее пространство, пребывающее в себе самом. Как можем видеть из этого примера, эксперимент с волком и акулой совершенно неожиданным образом привел нас к *телу*, из которого, как из пупа Вишну, вырос лотос с тысячью лепестков-смыслов. Разумеется, этот результат не всегда и вполне достигается, но само по себе непрерывное движение слов-образов-смыслов всегда очаровывает и удивляет, как прах Дульсинеи, осевший мукой на сверкающем шлеме скачущего идальго.

Михаил ЕВЗЛИН

Ры Никонова *Автопортрет*

РЫ НИКОНОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

От рыкания львиц
заря уносит пальцы
и транспаранты
иностранцы
возносят к небу
О насморк Рима – мрамор!
Тихих философов похотливые веки
тяжелы

1965

ЦЕЛИКОМ

Петух заснул в бетоне?!??
Ну да
заснул в бетоне
в сыром-сыром бетоне
малиновый петух
И стал петух как камень?!??
Ну да
он стал
как камень
как самый твердый камень
малиновый как кремень

1969

ДЕМОНС

Сияет Демонс
небосвода сайенс
рыцарь рогатого сонма
рубильник рангов и рубищ
радуга-динго структур
Демонс —башеннорукий
птеро и архи дидактиль
фыходит в эфир
вползает в порфир

зефирно млеет
рея
воображение тлеет
Огромные фразы построив
трепещет
крылом вибрирует
роет глазом яму
идею сажает в душу
Демонс
жених обеда
Закругляет землю он тенью
фосфором пахнет
тленом линяет
обликом никнет
ликом безликий
Демонс!
Стоустокрикий!
Потусторонний здесь
пылкий
ласковый формой
зверем обычный
неустанно прилип к мыслям линиям зверь
Ангел отброшенный
лишний
нематериальный
оппозиционный ленью
Дом его рядом
Деньги несут ему
смотрит
Вещи носит
женщинам дарит
женщинам волков
слонов и гусениц
Вещи блестят
зубчики корон и коронки
зубов
и просто зубы
вещи зубов
Демонс владеет собой
онемел
Вещи кричат
молчат
переживают
Демонс проистекает
лежит на
на парапете нна!
Радуясь яркому авторскому
брымс-развлечению
грибочку грибника
землица заплесневелая
уродила формулу жизни

1985

* * *

Когда поэт читает произведение
и вся его рука сжимается в кулак
когда охрипшее его недоумение
сожженное лицо кидает в мрак
Когда поэт читает буквы праздные
и легкое дрожит
наполнено искусством
и серебрится пусть его по телу —разное
тогда бывает поведение у муравьев:
то суетливое
то грустное

1974

* * *

Идальго!
Иголка сверкает в стогу!
Карета в хлеву
и пантера в снегу

Мех мельниц засыпан
сухою крупой
но прах Дульсинеи
всё машет рукой

И вертится щит
И звенят тополя
И скачет душа
к Дульсинее маня

Идальго!
Иголка сверкает в снегу!
Пантера рыдает
в пятнистом стогу

1995

* * *

Мой пыльный ангел
Мой ———— ангел
мыльный
Мой спетый ангел
Мой ———— ангел

смертный
Мой смятый ангел
Мой ———— ангел
пятый

1966—98—99—02

* * *

Стал воздух красным
Стал воздух синим
Стал воздух желтым
Стал воздух черным
Дышать невозможно черным
Дышать невозможно красным
Но синим
дышать возможно
И белым
возможно
дышать

2000

* * *

прощай
охранник
надутый
мылом
тебе —
сдаваться
а мне —
визжать
Тебе оставаться
а мне
уезжать

2002

Подготовил Михаил Евзлин

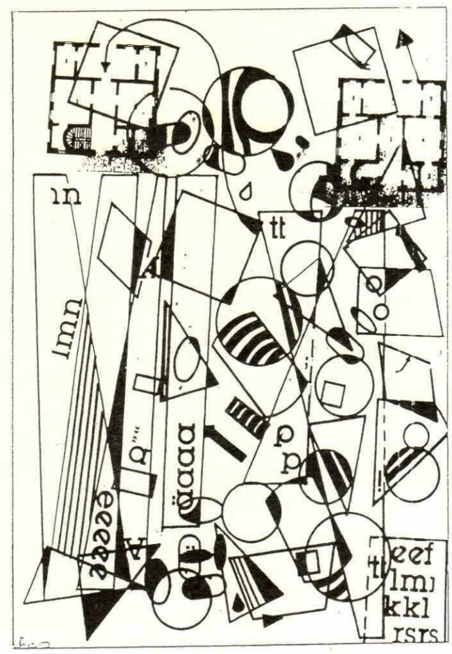
Сергей БИРЮКОВ

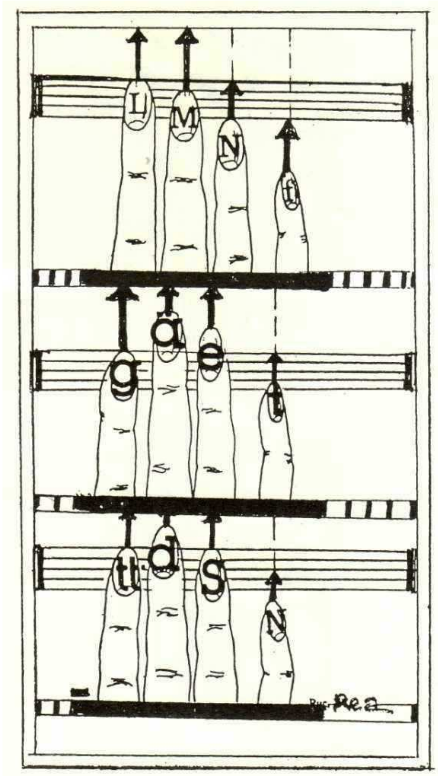
НЕ ВОСПОМИНАНИЯ

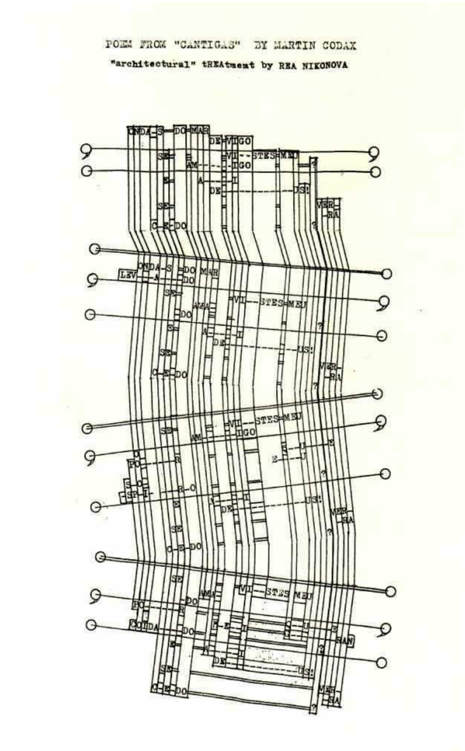
РЫ НИКОНОВА НЕ КАНОНИЗИРОВАНА.
РЫ НИКОНОВА – ВНЕ КАНОНОВ.
РЫ НИКОНОВА – НОВА.
AVE РЫ!

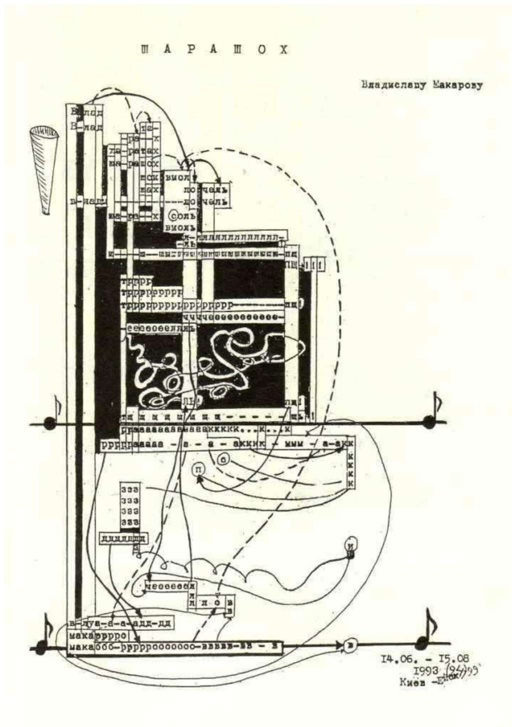
Если бы мне сказали, что Ры Никонова изобрела летательный аппарат или оборудование для подводного плавания, я бы не поверил. Потому что все это легкие изобретения.
Ры работала в более сложной системе изобретений — Поэзии. Но делала это легко, с необыкновенным изяществом.
Я вспоминаю наши первые пересечения. Полученные от нее материалы и затем мои вопросы к ней для первого интервью, представляющего ее поиски. Это было в НЛО, в одном из первых номеров только появившегося журнала.
Мы были тогда, в начале 90-х, полны энтузиазма. Я только что объявил о создании Академии Зауми... В 91-ом выпустил в полет мою «Музу зауми». И Ры отметила этот полет...
К тому времени вызрела «Зевгма», где примеры из Ры и Сигея фонтанировали. В 93-м эпохальный приезд Ры в Тамбов на конференцию-фестиваль «Поэтика русского авангарда», ее триумфальный выступ со сжиганием рупоров... Создание цветочной поэзии на турбазе «Турист» в тамбовском пригородном лесу совместно с тогдашним Бонифацием. И поэто-возгласы в палиндромическом поместье Ладыгиных.
Приходило ли нам в заумные головы, что это не повторится уже никогда? Что, что, что? Что-то осталось на фото, что-то осталось строкой...
И..И.
Ры в Тамбове тогда оставила поэтему на ладони премного сына Бурлюка Николая Никифорова — коллекционера уникумов.
Ры удивляла все новыми изобретениями. Что-то удавалось публиковать. В Германии, в Киле, она работала так же независимо от внешнего, как когда-то в Ейске.
Был существенный прорыв в издании ее трудов, благодаря Михаилу Евзлину, который выпустил серию ее книг. Был номер «Russian Literature” в Амстердаме, посвященный Ры и Сигею. Были многочисленные каталоги международных выставок с ее работами...
Все это останется. Но работ было столько, что впереди нас еще ждут новые открытия.

AVE РЫ !

POEM FROM "CANTIGAS" BY MARTIN CODAX
"architectural" tREAtment by REA NIKONOVA

ШАРАШОХ
Владиславу Макарову
14.06. - 15.08
1993
Киев

РЫ НИКОНОВА

ПЕСНЯ ПРИНЦА, ВЛАДЕЮЩЕГО КЛЮЧАМИ

Из книги: Анна Ры Никонова-Таршис Песни принца, владеющего ключами. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. Madrid 2001.

Пускай все радости на свете попадают в те пропасти, что я построил! Пускай обрушатся высокие умы.

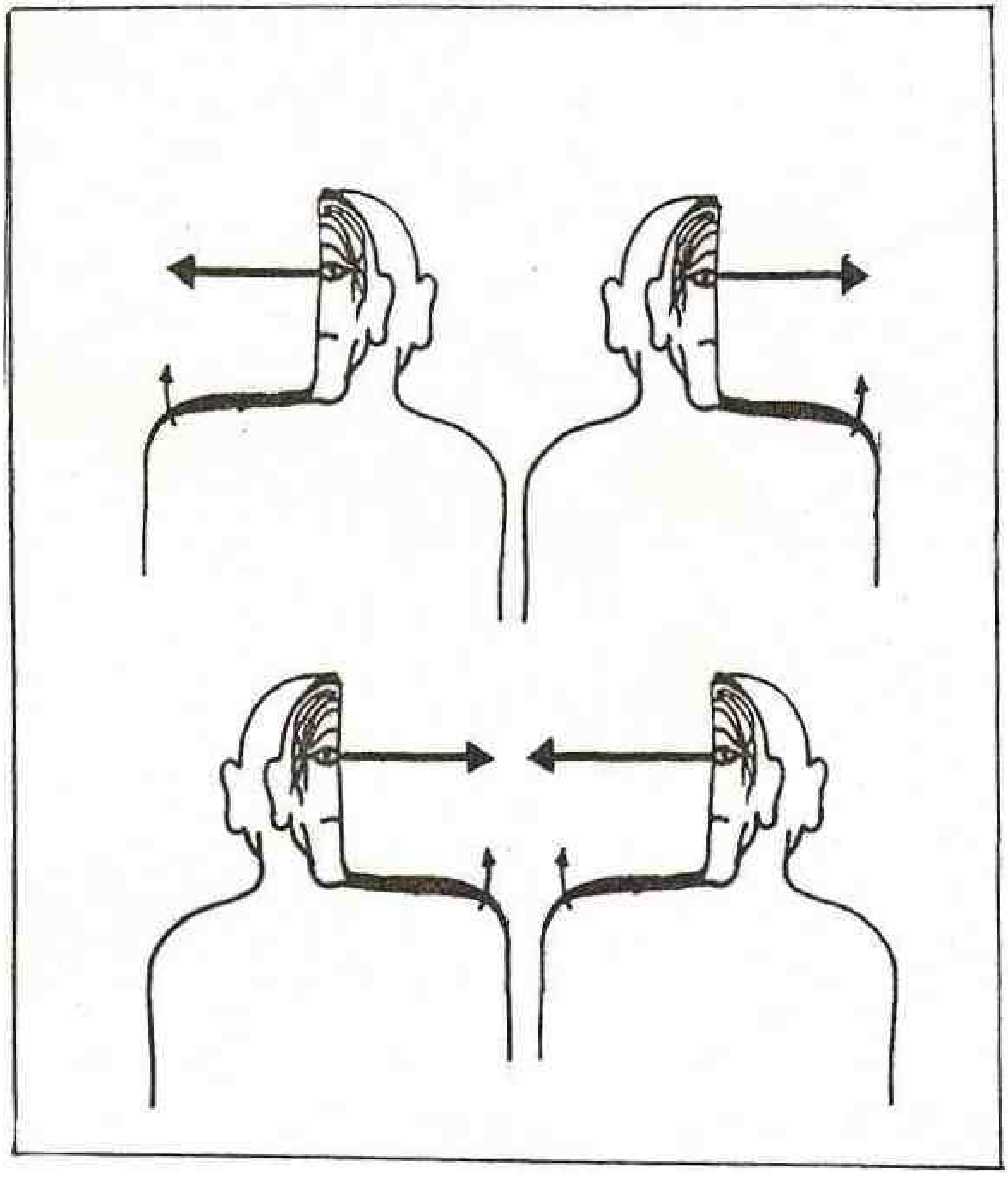
Я – злобный принц вечерних разговоров, забывчивости нежные созданья топлю в морях и реках. Из утренних бесед недоуменья я возвожу огромные дворцы, где колются оконные проёмы.

Всё – только, чтоб она, Великая Немая, заметила меня: «Он – принц, он слышит всё.

Вдруг, да исчезнет моё имя – Смерть, и я открою принцам своё дело? Быть может, он придумает мне имя новое и новые глаза в мои глазницы вставит и язык – в мой рот пустой и красный – вложит.»

И строятся огромные дворцы, забывчивости нежные созданья тонут в морях и реках. Всё только, чтоб она, Великая Немая, обрадовалась мне, прислушилась.

Пускай провалятся все радости на свете, п ускай обрушатся высокие умы.

Михаил ЕВЗЛИН

ИЗ КНИГИ «ПОЭТЫ АВАНГАРДА»

(Ediciones del Hebreo Errante. Madrid 2008)

В иллюстрациях к *Песням принца, владеющего ключами* Ры Никоновой поражает необыкновенно вытянувшееся ухо у принца. Оно очень точно реализует *молчание, которое запрещено*. Этим своим ухом принц вылавливает звуки, как рыб в воде. Отсюда – тема рыб. На рисунках пальцы ног и рук принца обросли рыбами и птицами. Рыбы обозначают предел, на котором почти уже не слышно звучания жизни и наступает абсолютное молчание смерти. Принц не спит, беспрестанно шепчет, чтобы не молчать, вслушивается своим разросшимся во все стороны ухом в шопот маленьких цветов, гул рыбьих снов, потому что, когда он исчерпает эти последние звучания, которые уже только тени звуков, он встретится с Великой Немой, которая в этой абсолютной беззвучности его не заметит. Надежда на то, что она его заметит сохраняется только до того, пока есть хоть какой-то, даже совсем «микроскопический» звук. Эта тема молчания, в котором, вылавливаются последние звуки почти-не-жизни, замыкающейся в совершенной ничто-немоте, проходит через весь текст, но достигает своего поистине трагического величия только в рисунках.

Отметим также мотивы птицы, горы, собаки, границы жизни. Граница жизни – это также граница звука, где умирает даже «рыбий гул». Гора – это точка, в которой замыкается бытие. Существенно, каким образом эти архетипические элементы интерпретируются в авангардном тексте. В мифологии птицы реализуют связь между тремя онтологическими уровнями – верхним, средним и нижним миром. Но здесь птица больше не переходит границы между мирами, а умирает на ней вместе с душой, которую она несет (или воплощает). Поэтому горит «гора писем», потому что нечего уже больше разворачивать: бытие окончательно свернулось.

К этой границе жизни после смерти может приблизиться только собака, представляющая *alter ego* принца. Она символизирует, как адский пес Цербер, непроницаемость нижнего мира смерти. Но даже собака не может уже перейти ее, потому что граница навсегда закрывается, становится уже не границей жизни, а небытия, выжавшего из себя все звуки. Ухо принца становится своего рода воронкой, черной дырой, в которой исчезают даже самые мельчайшие частицы-звуки жизни. И потому, когда принц вылавливает последние не-звуки, он сам, как в саване, свертывается в собственном ухе.

В этом тексте Ры Никоновой сконцентрировалась техника и метафизика авангарда. И совсем не безразлично, что *Песни принца* вместе с рисунками создавались в Ейске, в приазовских степях, т.е. на Юге, что, как кажется, определяет тему этой книжки – *предельности*, *по ту сторону*. Это те самые *знойные поля Кисфены*, по которым пробегает обезумевшая от укусов овода девушка-корова Ио, где обитают демоны-чудовища. Пространственная предельность, таким образом, становится онтологической. Авангард в этой гранциозной «поэме конца», думается высказал свое «последнее слово»: дальше возможно только молчание.

Книги Ры Никоновой,

изданные в серии "Современный русский авангард»
(Ediciones del Hebreo Errante. Madrid):

Песни принца, владеющего ключами.
Рисунки Сергея Сигея (2001).

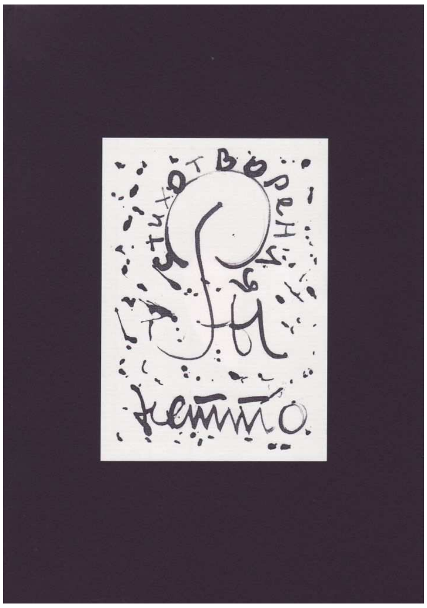
Ю (2001).

Обструганное бревно поэзии: Стихотворения. 1994-2002 (2002).

Глав-стих-лек-сырье: Избранные стихи 1958-1970 г.г. плюс позднейшие варианты (2003).

Стихотворения нетто.
Рисунки Бориса Констриктора. 2-е изд. (2013).

РЫ НИКОНОВА

СКАЗКИ

АЛМАЗ

В одном далёком государстве жила-была девушка, которую звали Любимая. Девушка была принцессой, у неё были голубые волосы.

Шла однажды девушка по дороге и вдруг заметила – в куче угля что-то сверкнуло. Так она нашла маленький голубой камешек – алмаз.

На этот камешек девушка, которую звали Любимая, загадала своё счастье.

Прошло несколько лет, Любимая еще немножко выросла. Во дворец принцессы стали стекаться толпы молодых людей. Все они хотели быть её женихами, но не знали, как её зовут. Тот, кто домогался её очень сильно, но не был юношей, которого звали Любимый (только он мог быть её суженым), умирал от её руки.

Вскоре дворец принцессы опустел, испуганные юноши покинули дворец Любимой. Громко плача, звала Любимая своего Любимого, но его не было.

Принцесса гуляла по своим садам, роняя бесчисленные слёзы, и все сады заросли травой.

Тогда принцесса побежала в поле и бросила свой алмаз в нору волка. Принцессе больше не нужно было счастье.

Молодой принц Любимы – человек крайне гордый и опрометчивый, однажды, охотясь, оставил далеко позади границы своего государства. Заметив свою ошибку, он попытался вернуться, но заблудился. Перед ним было бесконечное чистое поле.

У своих ног принц заметил нору какого-то зверя, давно сдохшего. Приглядевшись, он увидел в зубах мёртвого волка алмаз. Упрямый волк умер в усилиях разгрызть твёрдый камень. Принц вытащил алмаз и спрятал его у себя, глубоко задумавшись. Он любил читать книги и вспомнил, что в последней, которую он прочёл перед охотой, говорилось о смерти многих юношей при дворе какой-то принцессы. Принцесса убивала их за то, что они не знали её имени. Принцесса подносила к их глазам алмаз, на котором было написано её имя, но юноши не могли разобрать букв и умирали.

Принц долго вертел алмаз в руке, на сверкающем камне не было никакой надписи.

Принц засыпал волка землёй и решил пойти, куда глаза глядят. Глаза привели его в сады Любимой. С трудом продирался принц сквозь заросли и вдруг на поляне, на огромном фантастическом цветке увидел девушку. Девушка сидела,

опершись подбородком о колени, глубоко задумавшись. Казалось, она спит. Гладко расчёсанные голубые волосы закрывали её лицо.

«Любимая», - тихо позвал её принц. Принц до сих пор не видел ни одной девушки и потому наделил её своим именем.

Любимая вскинула голову, отвела рукой волосы со лба.

Перед нею стоял принц. В одной руке он держал ружьё, в другой – её алмаз.

«Как тебя зовут?» - спросила девушка усталого и пыльного принца, дрожа от мысли, что какому-то бандиту стала известна тайна её имени.

«Любимый», - ответил принц. Ответил на языке, понятном только Любимой.

Любимый и Любимая привели в порядок сады принцессы, а принц даже составил каталог всех прочитанных им книг.

Они жили долго, бродили вдвоём по полям и лесам, но второго алмаза не нашли.

1967

СОЛНЦЕ И ЗИМА

Жили – были в одном государстве Солнце и Зима.

Юноша-Солнце жил в гамаке из тонких листьев и спал на твёрдой подушке из сверкающего камня.

Зима – холодная женщина с застывшим лицом, жила в берлоге, выкопанной в снегу, она ложилась на снег прямо в тонком белом платье.

Однажды они встретились.

Юноша-Солнце посторонился, давая Зиме дорогу, и долго смотрел ей вслед. А Зима прошла, и следов не осталось от неё.

Юноша стал мечтать о новой встрече, но не так-то это было просто. Зима редко появлялась где-нибудь, а проходя, занимала место поугрюмее и всегда закрывала лицо ладонью. Особенно Зима избегала юношу-Солнце, от сияния его лица у неё почему-то болели глаза. Зима была холодна ко всем ухаживаниям, и подарки Солнца оставались лежать на том месте, куда он их клал. Ужас охватил юношу, ему хотелось плакать, и он совсем перестал спать. На земле целыми днями было светло.

Растерянные птицы прилетали на свет и пели среди снегов, на вершинах гор расцветали голубые цветы.

Удивлённая Зима, услышав пение птиц, стала чаще выходить на свет и месяцами стояла, прислушиваясь. Она даже оглянулась однажды и, конечно, увидела за собой Солнце, умоляющего её, с жаром протягивающего к ней руки. Зима улыбнулась. С криком счастья бросился к ней юноша, стараясь согреть своими ладонями её лицо. Ошеломлённая Зима отшатнулась от него, отбиваясь, её ледяное платье потоками с неё спадало. Вся дрожа прибежала Зима к себе в берлогу и завалила вход в неё гранитными глыбами. Сколько ни пылало Солнце, гранит этот не таял. Сбила тогда Зима со своего лица ледяные слёзы и села на снежный пол – зашивать платье. Платье было уже совсем готово. Зима встала –

белая, длинная, держа белое и длинное платье в руках, и рванулась вдруг из огненных рук Солнца, подкравшегося к ней сзади, растопившего три стены её берлоги. Юноша-Солнце держал Зиму в руках, как свою последнюю добычу, как единственное своё счастье, он так и прожил потом свою жизнь, не выпуская её из рук.

А Зима целый год трепыхалась у него в руках, пока совсем не затихла. И потом только в дни своего рождения Зима делала несколько конвульсивных движений и даже пробовала что-то сказать. С любовью смотрел в этот момент на неё юноша, стараясь что-нибудь понять. Но ведь губы Зимы даже не шевелились. И ложился тогда юноша на Зиму и утопал в её слезах и глазах.

А на земле с тех пор во все времена года текли ручьи и цвели красные цветы.

1969

СКАЗКА ЗА РУБЛЬ

В цветке, который продавали на углу, был дворец, а во дворце жила маленькая девушка Анна с большими ушами.

«Анна», - звал солдат, крадучись пробираясь мимо угла. Анна высовывала ухо в окошко дворца и говорила звонко-звонко: «Что?» Но увы, голос её был таким же маленьким, как она сама, а солдату нельзя было задерживаться на углу.

Анна прятала ухо внутрь дворца и горько плакала, цветок колыхался между пальцами продавца.

Цветок был нежный и скользкий, и в то же время пушистый, стебель его был отполирован, как подсвечник, но цена… Продавец просил рубль, который нельзя было бы увидеть, но можно было бы пощупать.

- Ну, ну, смелее, кавалеры! – кричал продавец. И солдат с тоской смотрел на имевших рубли, которые, к счастью, можно было увидеть.

Но однажды проходивший мимо цветка майор заметил солдата.

- Эй, - сказал майор.

- Есть, - ответил солдат.

- Шагом отсюда, - сказал майор и повернулся к продавцу.

Продавец держал в руке цветок, в котором был дворец, в окне дворца было видно два больших уха и лицо.

- Вот это да, - сказал майор и зазвенел от удивления.

- Эй, - крикнул майор вслед солдату.

- Есть, - сказал солдат.

- Ты видел цветок?!

- Именно, - сказал солдат.

- Ну-ну, - смолчал майор,- на рубль, купи его себе. – И протянув солдату пустую ладонь, захохотал.

- Слушаюсь! – восхитился солдат, ощутив, наконец, в руке пустоту.

Так солдат приобрёл себе жену, которая была в 100 раз меньше его ростом, но жила во дворце.

1970

ПТИЦА И РЫБА

… К тебе я нежный рыб.
С. Сигов

- Вот она летит, - сказал солдат матери.

Скрылось солнце, обнажив ноги деревьев, завздыхала трава, выдыхая зной, и тёплым голосом мать ответила солдату:

- Это не она. Это общипанная птица, которую изображает облако.

Солдат закрыл глаз, разделся и побрёл в море. В море было шумно, звякали блики появившейся луны, изображающей рыбу.

Солдат наклонился над водой и увидел в отражении луны Её.

- Что ты здесь делаешь? – спросила Она.

- Тону, - ответил солдат.

Разве ты не видел своей птицы? Она только что пролетала над тобой, её все рыбы почувствовали в море.

- ? – спросил солдат, но тут луну затянуло облаком и Она исчезла, и наступила ночь.

На следующую ночь на берегу, под луной нашли солдата, зажавшего в руке обмотанное перьями крыло какой-то неизвестной птицы.

10/8 – 70

4 УДОВОЛЬСТВИЯ СНЕЖНОЙ БАЛЕРИНКИ

Бал снежных балерин назначили на полдень.

Заказали ветер и немного солнца для буфета. Обесцветили все близлежащие дома, и балерины взлетели на воздух.

Они долго кружились, иногда отдыхая на белом скользком снегу.

Но вот одна из балерин полетела в буфет, ведь балеринки стали белыми от голода и усталости. Отведав купленного солнца, балерин ка немного согрелась и умерла, испытав таки м образом все четыре удовольствия: танцы, холод, тепло и смерть.

1972

СНЕЖНЫЕ ПСЫ И ОСЕННИЕ ТУФЛИ

Ну, вот и залаяли белые снежные псы.

Завыли люди в перчатках, замолчали окна и двери.

Под водосточной трубой, обледеневшей, словно валторна, образовались чёрные осенние туфли на толстой подошве и без человека, который по этой трубе перелетел в тёплые восточные края, на Запад.

Осталось только завихрение, похожее на клубок снежных псов, да тёплые подошвы осенних туфель, холодных, словно мороженое.

1972

ПОТЕБЕПЛАКАЛА

Велико государство У. Сирень в нём. В сирени цветы сиреневые.
Велика столица Потебеплакала. Голубая она, как бок цистерны под дождём воробьиных слёз, плакал воробей.
Он всю ночь плакал, этот воробей, потому что не мог петь, как соловей, а соловей пел. И цвели розы, чёрные, как мысль Этоада.
Жил Этоада далеко, не в столице.
Жил Этоад на ладони, на линии судьбы, сплетясь с линией жизни, но не заходя в её углубления.
А я его любила.
И я его любила.
И я.
И все
мы его любили, и смотрели в ладонь, на ли нию судьбы, но как бы на расстоянии.
А в столице государства У, в Потебеплакале, беспрерывно плакал воробей.

1973

РАСПЯТЫЙ ПЛАТОК

Горло духа лесного сжимая.

Я обрезал его пальцы.

Я растянул его пленкой и завернул в платок, чтобы вечерком распять на пяльцах.

Или на пальцах, раз пять.

Но наступил вместо вечерка почерк, дух лесной прокрался на пуантах сквозь платок, однако остался без горла и не может плакать.

Как жалко платка!

1977

АНАТОЛИЙ И ТОЛОКНО

Только Анатолий за толокно, забор – в окно.

Смотрит Анатолий через забор, а в нем – выпь.

«На, - говорит Анатолий, - выпь, выпей». И даёт Анатолий выпи стакан, чтобы она пила, до дна два дня.

Выпила выпь стакан. Смотрит выпь через себя на забор, а на заборе – Анатолий. Истукан, скульптура, Капитолий. Глазами облилась слезами. Анатолий же слез с забора и поехал к дому поближе, туда, где грязь. Приезжает домой, а в нём – окно. В Анатолии. А в окне – выпь, словно сыпь на руке.

И стоит, окружённый забором, Анатолия рот – рыбам.

1977

ДОЧЕРИ ДРАКОНА

Было у Дракона две дочери: Драка и Икона. Драка всё время сидела на опрокинутом ведре и гремела им, вызывая женихов. Икона же жалась к стене, сливаясь с ней и не.

Приходят два жениха. Один жених с ногами, руками и головой, и другой такой же.

Первый повернулся к Драке и услышал её, второй повернулся к Иконе и увидел стену.

«Ох и люблю я её», - сказал первый жених и ударил невесту пару раз.

То же самое проделал второй жених во стеной, но только ушибся.

Мораль: умереть никогда не поздно.

1977

МАЙОР ТИК-ТАК

Выскочил из часов зайчик, Тик-так по имени. А по званию – майор. Выскочил, чтобы убежать.

Да не здесь то было. Время и корпус настигли его.

И постигла его участь.

Участь сладкой пчелы без мёда, когда она ранним утром, садясь на цветок, вдруг ранит себя шпагой противника.

Бывает и не такое.

1977

ПЛЕТЁНОЕ КОЛЕСО

Грязный грустный человек изобретал колесо. Прямо на базаре.

Вереницы рабов с тюками на тонких головах шествовали мимо, ржали мёрзлые мулы, бизоны орали в своих бизонвиллях, прохаживались неандертальцы с дубинами на красных ремнях, сновали туда-сюда белые орангутанги.

Молча тащили груз беременные женщины. Шеи их обрамляло красиво выпиленное ярмо. Нищие просили друг у друга “лимончик”, похлопывая себя по жёстким лейблам. Тощие проститутки просили в долг догов у толстых путан.

В большом белом доме изредка сверкало лицом цвета мокрого асфальта начальство, прятавшее руки в специальную коробочку (чтоб не дрожали).

Продавцы помидор стояли по стойке “смирно”, пока “инспекция” пересчитывала помидоры в свой аккуратный мешок.

Всё было на базаре – кроме колеса. Его было запрещено изобретать.

Поэтому грустный голодный человек, склонный к его изобретению (да ещё утром!) был окружён КОЛЬЦОМ неандертальцев с дубинами в левой и верёвками в правой руке (другой конец верёвок был прикреплён к шее изобретателя).

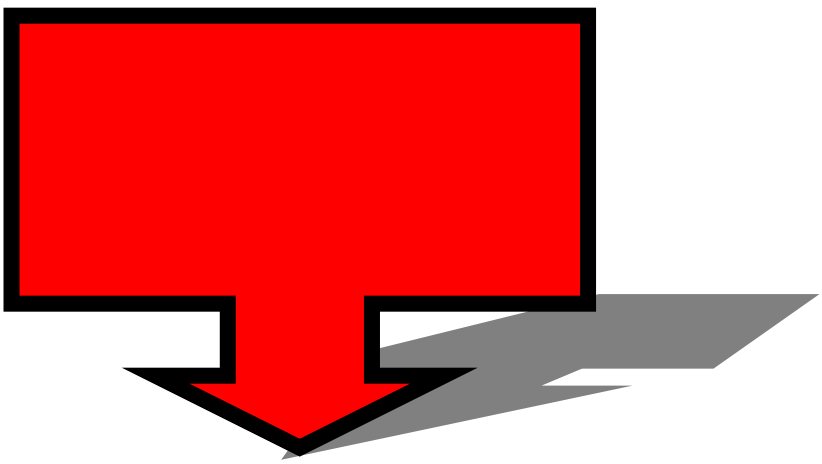
Посмотрел человек на грязный песок под ногами да и нарисовал на песке ситуацию: человек (точка) в окружении КОЛЬЦА. От точки исходят лучи (верёвки). И сделал модель из прутьев. Модель насадил на палец, а к 12 часам заменил палец палкой и насадил на неё два кольца. И катал эту к о н с т р у к ц и ю вокруг себя по мягкому песку.

Разумеется, его посадили. На кол.

А через какое-то время другой грустный человек изобрёл колесование. Видимо, вечером.

1996, Ейск

Подготовила Татьяна Михайловская

И.О. АННА

жаб Ры

боб Ры

зуб Ры

шваб Ры

Татьяна МИХАЙЛОВСКАЯ

Мне ли писать воспоминания? Я не веду дневника и никогда не вела. Память моя капризна и избирательна, отторгает цифры и даты, некогда знакомые лица, выбрасывает не только чужие, но и свои слова. При этом цепко держит то голос, то тень от дерева над головой, то домотканую дорожку на полу… Всё это совершенно бесполезно для воспоминаний. Поэтому я их не пишу, а как называется то, что я пишу, - я не знаю. И зачем мне это знать?

К стихам предисловия не требуется - они говорят сами, их объяснять не надо. Но у стихов, как и у людей, бывает история, предыстория – то, что может существовать отдельно и что уже не нужно объяснять и комментировать. В конце концов стихи можно не читать, удовлетворившись породившей их предысторией.

Ры была ясным человеком. У нее было ясное лицо, ясный взгляд, устремленный на собеседника, ясная речь, выражающая ясные мысли. И в этой ясности была печаль.

Она позвонила мне и ясным голосом сказала, что они уже две недели голодают, потому что не платят зарплату и не на что купить продукты, и не могу ли я теперь взять гонорар за будущую публикацию и проч.

Слово «голод» имеет для меня абсолютную рифму «холод» - смертельный холод заполняет всё мое слабое существо.

- Не волнуйся, я что-нибудь придумаю, - отвечаю и вечером мчусь туда, где обычно пасутся разной степени трезвости поэты. Но они, в отличие от художников, лишены чувства товарищества, им неинтересны и даже неприятны мои попытки пробудить в них сочувствие к голодающим собратьям. Единственное исключение, которое я встретила, - это Сапгир. На другой день он зашел ко мне в редакцию, и едва я заикнулась о бедственном положении Ры, тут же выдал мне 100 долларов – по тем временам большие деньги - для передачи ей и Сергею. Выпросив, как нищенка милостыню, у главного редактора гонорар под верстку, я со всеми деньгами и с версткой уже на следующий вечер рванула в Ейск.

Ейск – бывшая казачья станица. Столица тарани и раков. Базар и сразу Азовское море. Маленький домик, деревянные половицы –здесь когда-то родилась девочка Аня.

Пока Сергей читает верстку с моими вопросами, мы с Ры идем на пляж. Море мелкое чуть ли не до самого горизонта, такое, как я не люблю, без единой волны. Потом мы сидим на песке и говорим о стихах, стихах, стихах… И чем больше мы говорим о них, тем больше я ощущаю, как тяжело ей жить в этом городе, на берегу этого моря. Кто ее здесь понимает, кроме Сергея? Кому тут нужны рассуждения о верлибре, о концепте, о моностихе?.. «Курица не птица, Цветаева не Мандельштам» - неожиданно подводит итог своим рассуждениям Ры, и в ясном голосе ее звенит сталь.

Дома мы уже втроем обсуждаем верстку, спорим о визуальной поэзии, беседуем о «Транспонансе», о Бахтереве и опять о стихах. Жизнь стиха заменяет жизнь, о которой неожиданно напоминает мне телеграмма из дома. То, что существует жизнь вне литературы, жизнь как таковая, Ры помнит, не может не помнить, поскольку эта жизнь к ней сурова, и потому она отворачивается от нее и снова говорит о стихах. Стихи – тяжелые доспехи Ры -царя. Ясно, почему девочка Аня превратилась в Ры - это значит, отойдите, не мешайте, раз не помогаете, не стойте на пути, иначе… Ясно, что иначе у нее не бывает, не может быть, но это такая сказка о превращении. Картины на стенах не оставляют надежды.

На следующий день я уезжаю назад в Москву. В сумке у меня исправленная верстка, в голове – планы будущих публикаций, а на сердце - неясная печаль, которая под стук колес проясняется, образуя стихи.

АЗОВСКОЕ ТАНГО

Р.

1

На берегу Азовского моря
споря
две дуры рассуждали о стихах
слизывая рифмы с губ
соленых как чумацкая соль
боль
воль
неслышный звук труб
тюрьма
ма ма

пытаясь поймать
мать
ать

Господи, что в нашей власти?

На берегу Азовского моря
одной не хватало счастья
другой – горя.

2

Пьяный казак
просто так
для души
шашкой машет над головой

Маши пока живой

шашка востра
дедова сестра
братова жена
ко всем нежна

Ну-ка, с размаху
голову на плаху!

3

Море по горло в песке
 с кем с кем
узость уз
ощутить в кольце медуз

Цветет над Азовом улыбка таможни
город-сад
ад
зыбко
тревожно
любезная мука-досада
диктует привычный маршрут променада...

4

Кипят в кастрюле живые раки
аки… аки… аки…

МИ-РЫ РЫ

Ры Никоновой

вид пад зды
затрель пель
ад я адо
да
ля коль **АТЬ**
оз весь К**ОС**
рать
рах друг дых
дыха------ние

снов слов несть
а-ают и-ино вер ***Я*****НЕ**
дев ночь своб
Ябе ***А***бе б***А***бе
рис галь с---ледь
пыл ос
ос пыл плыл
Ры тих стих
пелопелопелопело
телотелотелотело
тело сл***о***ва слово т***е***ла

слово мира –
нота   ми Ра

ми-------Рыыыы
Ры

2006 / 09.02.2007

ь о м а выход с ё

.б б р л н л вон л з н д

.о р.а р с ь и о ю ыщи.у т м н в

.р у к ы ы ы к.е с б ног ч а е ы у

т ч ы . д о е т.е ш ь а я х

ы ы л ы р г т ы.з о ь е т я у в

школа н ш д ы

нкино ы е ы ы

пятно в о о

таня

таня р ы е и

мотив чёрный очерчен лицей ящик ДЖЕК

фрагмент таков

Другое полушарие / Another Hemisphere

2014

№ 23

номер завершен 16 августа 2014 г.